

1.3. Как формируется и как должна формироваться психологическая культура в процессе непрерывного образования

Уровень развития гуманитарной культуры и образования в стране неразрывно связан с общим социально-политическим, идеологическим и нравственным состоянием общества. Классическим выражением отношения авторитарной власти к общечеловеческим ценностям, воплощенным в культуре, может служить скандально известное высказывание одного из фашистских руководителей III Рейха: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет». Иными словами: «Тише, ораторы. Ваше слово – товарищ Маузер». Духовное и физическое уничтожение создателей и носителей нравственной культуры, гуманистических ценностей – логическое продолжение всеобщего сыска и террора, без которых не может существовать авторитарное государство.

Все это предопределяет и отношение власть имущих к психологической культуре, к самой гуманистической из гуманитарных наук – психологии вообще и в частности – к психологическому образованию народа. Понимание народа как управляемой массы вызвало к жизни воинствующий антипсихологизм во всех сферах духовной жизни. На уровне самой психологической науки это привело к настойчивым попыткам заменить категории субъективного мира человека «объективными» законами высшей нервной деятельности в их павловско-бихевиористическом варианте, к игнорированию исследований в области внутреннего бытия личности и межличностных отношений, к относительному процветанию разделов психологической науки, занятых частными психическими структурами. Ситуация напоминала (и до сих пор очень похожа) ту, которую, по словам Стефана Цвейга, застал Зигмунд Фрейд в конце XIX столетия: «Всякая душевная неуравновешенность понимается механически мыслящей эпохой исключительно как перерождение нервов, как болезненное изменение; непоколебимо царит ложное представление о том, что путем все более и более точного познания соответственных органов на основе опытов с животными удастся когда-нибудь в точности рассчитать автоматику «душевной области» и регулировать всякое отклонение. Поэтому наука имеет своим поприщем психологическую лабораторию: люди думают, что исчерпывающим образом знакомятся с этой наукой, если при помощи скальпеля и пинцета

микроскопа и чувствительного электрического аппарата отмечают содрогание и сокращение нервов»⁴⁸.

Можно было бы привести обширный перечень отрицательных последствий всеобщей психологической неграмотности. Ограничимся только некоторыми более или менее очевидными.

Главное последствие – явный ущерб в развитии внутренней духовной сферы личности, деградации ее психологической культуры. Духовный вакуум некоторые теоретики и практики образования готовы сегодня восполнить религией. Мы не будем здесь специально обсуждать сложную проблему соотношения двух сфер духовного «производства» – науки и религии. Оно (соотношение), разумеется, не укладывается в прокрустово ложе хлестких определений типа «Религия – опиум для народа» или «Религия – враг науки». Отметим лишь, что в религиозную форму (заповедей, например) облечены драгоценные находки народной психологической культуры, психологии, созданной народом до психологов, до возникновения науки и тем более – до дифференциации ее на различные дисциплины, ветви и предметные области.

Отрицательные последствия депсихологизации образования можно условно подразделить на явные, обнаруживающие себя столь очевидно и непосредственно, что не нуждаются в специальных доказательствах, и не столь очевидные, порой ускользающие, но от этого еще более опасные. К явным относится хотя бы психологическая неграмотность молодежи, оканчивающей среднюю и высшую школу. Особенно бросается в глаза неграмотность в сфере брачно-семейных отношений и воспитания детей. Вероятно, очевидность ситуации и привела к тому, что в школе появился гибрид «Божьего дара с яичницей» в виде учебного предмета «Психология и этика семейной жизни». Мы в свое время сравнили этот предмет с морской свинкой: странное существо, во-первых, не свинка, а во-вторых, не морская.

Под стать предмету определился и преподавательский корпус: чаще всего в роли учителей здесь выступали недогруженные своими основными предметами отважные преподаватели иностранных языков, труда, биологии и т. д. Они наивно полагали (многие и до сих пор убеждены), что сложнейшую науку можно преподавать на базе опыта собственной семейной жизни и общей эрудиции. А те, кто ввел этот курс в школьную программу, не подумали о том, что весьма опрометчиво пытаться стро-

⁴⁸ Цвейг С. *Врачевание и психика*. М., 1992. С. 54.

ить здание, начиная с крыши. Как и начинать курс сразу со сложнейшей области психологии, с ее самой «высшей математики».

Иногда говорят: все же лучше, чем ничего. Хуже. Во-первых, потому что дилетантство и примитивизм засоряют сознание ученика семенами полужнания и псевдонаучных рассуждений; во-вторых, потому что профанация компрометирует психологию, выдавая суррогат за подлинность. В-третьих, все это порождает иллюзию присутствия психологии в среднем образовании. Это соображение актуально и в отношении других попыток преподавать «что-то из психологии» без психолога. Имеются в виду курсы «Человек и государство», «Основы выбора профессии» и т. д., с одной стороны, и преподавание психологических знаний о профессиях - с другой. Благодаря подобному «обучению» невозможен сколько-нибудь осознанный выбор детьми, молодежью этих самых профессий, выбор жизненного пути.

Упомяну далее некоторые не столь очевидные отрицательные последствия депсихологизации образования. Общим местом в педагогике стал призыв сочетать воспитание, под которым понимается прямое воздействие (может быть, точнее вторжение?) взрослого на внутренний мир подрастающего человека с целью сформировать его по своему образцу и подобию, с самовоспитанием.

Иными словами, предполагалось (и предполагается до сих пор), что хорошее воспитание способно сформировать у воспитуемого стремление и умение развивать самого себя по собственной программе. Но как раз эта задача не может быть решена без формирования психологической культуры в процессе психологического образования. Способность к самовоспитанию, иначе говоря, **к автономному управлению саморазвитием** предполагает два основных условия, которые, на мой взгляд, в наиболее четкой форме содержат основную концепцию психологической культуры, психологического образования.

Первое условие: подрастающий человек должен получить основы знаний об «устройстве» своего собственного внутреннего мира, способные стать базой его психологического тезауруса. Без усвоения системы психологических понятий человеку просто «нечем думать» о собственной личности, о своей эмоционально-волевой сфере, о собственной познавательной деятельности, индивидуально-типологических особенностях и т. д. Разумеется, для того чтобы эти психологические знания «работали» на самопознание, они должны быть особым образом преподнесены, выработаны и усвоены. Интегрированность психологических зна-

ний в структуру личности, их включенность в ее мотивационно-потребностную и когнитивную сферы можно обеспечить лишь при определенных методологических и методических условиях преподавания психологических знаний (здесь специально пока не используется словосочетание «преподавание психологии как учебного предмета»).

Второе условие – это, если можно так выразиться, обеспечение «технологичности» психологических знаний, которые усваивает подрастающий человек. Следует совершить решительный переход от **информационно-пассивной к рефлексивно-деятельностной** парадигме обучения психологии. На уровне содержания и методологии преподавания это означает необходимость решения неразрывно связанных задач: прежде всего, умение вызывать у развивающейся личности острый интерес к собственному внутреннему миру, реализующемуся в стремлении к самопознанию, рефлексии, самоисследованию и т. д. Это стремление к самоизучению необходимо обеспечить соответствующими способами рефлексивной деятельности, научить подрастающего человека прислушиваться к себе, сосредоточивать внимание не только на окружающей действительности, но и на своем теле, на собственных переживаниях, мыслях, воспоминаниях и т. д. Иными словами – сформировать у подрастающего человека стремление и умение действовать во внутриличностном пространстве, научить тому, что мы называем психологической деятельностью. В качестве примера отсутствия у современных подростков рефлексивности, способности понять и адекватно описать даже свое физическое состояние говорит факт, неоднократно отмеченный врачами, обследовавшими школьников в зоне чернобыльского бедствия. Их уже далеко не малолетние пациенты часто не умели рассказать о проявлениях своих недугов и заболеваний. Психологи, изучавшие душевное самочувствие жертв чернобыльской катастрофы, обнаружили у своих подопечных крайне узкий спектр вербализуемого уровня внутриличностного познания; они были не в состоянии рассказать, где и как у них болит.

Очевидно, что решение задач формирования психологической культуры нуждается в соответствующих этому предмету методических средствах. Об этом разговор в следующем разделе.